

СТОИТ Р. Пляту появиться на сцене или на экране, зрители начинают улыбаться: знаменитый комик! Даже сам голос актера, прозвучавший за кадром, непотворимые пляттовские интонации вызывают ту же реакцию. Маленький эпизод, озвученный им в фильме «Скандал в Клошмерле», просто трудно себе представить без участия Плятта, не говоря уже о более значительных по количеству текста ролях.

Р. Плятт действительно великий мастер комедии, умеющий использовать все оттенки, все краски этого искусства — от мягкого, доброго юмора до сатирического гротеска. Но когда актер чувствует, что ему предлагают роль только потому, что он сумеет рассмешить, позабавить публику, он отказывается. Если Р. Плятт, удивительно работоспособный и безотказный актер, начинает сыгаться на чрезмерную занятость или на свои болезни, значит его просто обидели предложением такого рода.

Для него смех — форма выражения его личного, пляттовского отношения к образу. О хорошем человеке он умеет рассказать с доброй улыбкой, к плохому — уничтожающе беспощаден.

Его геолог из старого фильма «Подкидыш» навсегда вошел в «золотой фонд» не только самого актера, но и комедийного искусства вообще. Трогательно неуклюжий чулак с добрыми глазами, покорно выполняющий все требования случайно попавшей в его холостяцкое жилье девочки, — это не просто комедийный персонаж. Актер в течение нескольких минут рассказал целую повесть об очень хорошем и очень неустрашенном, одиноком человеке.

А воинствующий лентяй, неведжда и жулик, случайно попавший в стены научного института, — Бубенцов в фильме «Весна! Куда девались добрые, умные глаза Р. Плятта, как удалось ему запрячь свою интеллигентность, тонкость, деликатность в эту оболочку ничтожества? Здесь актер не стремится к изяществу красок и тонкости ходов. Он на грани карикатуры. Даже в самой манере игры мы ощущаем активное, категорическое неприятие исполнителем жизненной позиции бубенцовых.

В своих театральных работах Р. Плятт использует краски еще более резкие, еще более броские. Его исполнение роли Нинковича в спектакле театра имени Моссовета «Госпожа министерша» стало просто классическим.

Господин Нинкович — секретарь министерства иностранных дел. Министры меняются — господин Нинкович остается. Он несменяем. Как стол, за который садятся на время разные люди. Он незаменимый наставник по части мод и манер и штатный любовник всех министерш.

Черный костюм, туго накрахмаленный воротничок и яркий галстук, орхидея в петличке и белоснежный платок в кармане, густо набриолиненные волосы, стрелки бровей, монокль, делающий огромным один глаз и как бы подчеркивающий зияющую

пустоту мыслей. Лишенная свободной естественности походка, точность заученных движений, искусственная «изысканность» прононса.

Сказать, что это карикатура, пародия на человека — мало. Это карикатура на целое общество, которое обезличивает людей, превращает их в механизмы. Вот в чем социальный смысл образа, созданного Р. Пляттом.

ГРАНИ БОЛЬШОГО ТАЛАНТА

Когда спустя много лет на сцене появился другой герой Р. Плятта — президент из спектакля «Бунт женщин», мы ахнули. Это же родственник нашего старого знакомого господина Нинковича! А может, это он сам, так сказать собственной персоной? Та же заученность поз, тот же автоматизм движений и мыслей, та же внутренняя пустота. Существование его — мелкое, продажное, ничтожное — осталось тем же, его не спрячешь, не прикрошь никакими лентами и орденами.

И ТАК, Р. Плятт — великий, неповторимый комедийный актер. Но было бы бесконечно обидно и абсолютно неверно зачислять его только в разряд комиков, пусть даже и блистательных. В творчестве Р. Плятта тесно переплетены все жанры, все оттенки артистической выразительности. Порой трудно бывает определить, наблюдая за его игрой, где кончается комедия и начинается драматическое и даже трагическое в искусстве актера. Он старательно прячет все чувства за ту же спасительную улыбку, за иронию, иногда за скепсис. Удивительно сочеталось это в его Дорне из чеховской «Чайки», а еще раньше — в замечательном образе Аркадия Бурмина, созданном в спектакле «Парень из нашего города» на сцене театра имени Ленинского комсомола (с этим театром связано несколько лет творческой жизни Р. Плятта, весь остальной свой путь в искусстве он прошел рука об руку с Ю. А. Завадским в театре имени Моссовета).

Казалось, многое в образе Аркадия Бурмина давало актеру возможность увлечься внешней характерностью этого рассеянного и робкого ученого, который даже в любви объясниться не может. Но атрибуты внешнего преобразования стали для исполнителя лишь необходимыми, но не главными чертами характеристики героя — скромного и талантливого советского врача.

С этого времени вошли в жизнь Р. Плятта новые люди, образы которых он воплотил на сцене и на экране, люди большого душевного богатства, интеллекта, широты

взглядов. Такие, как разведчик Левин («Второе дыхание»), революционер Раевич («Штурм»), советский офицер Васин («Русские люди») и американский журналист Гарри Смит («Русский вопрос»), чеховские герои — Рублев в инсценировке рассказа «Тапер», Дорн («Чайка»), Войничский («Леший»), наконец Автор («Дали неоглядные...»).

ся просто немолодым человеком, прикрывающим венком победителя лысину. Но, насмешливо развенчивая величественность Цезаря, спуская его на землю с небес славы, драматург отдает должное его уму и таланту государственного деятеля, его человеческой мудрости.

В исполнении Р. Плятта есть и эта ироническая интонация, и стремление раскрыть талант умного и тонкого политика и глубокого психолога, ведущего хитрую игру со своими противниками, показать, что именно на этих качествах основаны его сила и непобедимость, а вовсе не на могуществе римских легионов. В его исполнении есть и мысль о тщете той войны, которую он ведет.

...Сделав Клеопатру царицей, Цезарь не мог вложить в ее хорошенькую головку ни своей мудрости, ни понимания

человеческой души. Она так и осталась ребенком, ничего не понимающим в искусстве политики. Но тем не менее прелестным ребенком, которому отдана частица сердца. Может быть, именно поэтому его Цезарю грустно уезжать из Египта и он медлит с отплытием. Его не покидает ощущение, что он «что-то еще забыл сделать, что-то еще осталось». Он, правда, не говорит, что это «что-то» — Клеопатра, но, когда она появляется, лицо его освещает улыбка... Этой грустной улыбкой прощания и заканчивает актер свой рассказ о большом политике и храбром солдате. Тот уходит навстречу своей судьбе...

А Бернард Шоу провожает его с огромного экрана улыбкой, в которой нет и тени насмешки...

Цезарь — последняя из сыгранных Р. Пляттом ролей в театре. Сегодня он опять в репетиционном зале. Впереди — новые этапы большого актерского пути.

В. РЫЖОВА,
театральный обозреватель
«Московской правды».

НЕДАВНО Р. Плятт встретился с драматургом, очень близким природе его актерской индивидуальности, — с Бернардом Шоу. Встреча эта не первая. Когда-то Ю. Завадский поставил у себя в студии спектакль «Ученик дьявола», который заканчивался неожиданным появлением в финале автора пьесы, обращающегося с речью к актерам и зрителям. Шоу играл тогда Р. Плятт.

Спустя тридцать лет актер и драматург снова встретились, причем дважды — в «Милем лике» Р. Плятт сыграл Бернарда Шоу, а в пьесе Шоу «Цезарь и Клеопатра» — Цезаря.

Но не только Цезаря... Перед началом действия на авансцене появляется автор пьесы и, помешивая ложечкой кофе, начинает разговор со зрителем. Неожиданно он снимает усы, бороду, парик и превращается сначала в артиста Р. Плятта, а потом, набросив на плечи римскую тогу, — в Юлия Цезаря.

В интерпретации Шоу Цезарь — великий, легендарный лжец — оказывает